

МИША, СПОЙТЕ ПРО РОДИНУ, ПЛИЗ...

**В Москве когда-то ездили в «Яр» слушать цыган.
В Нью-Йорке ездят в «Приморский» «на Мишу Гулько».**

Приезжаешь в ресторан, садишься за столик и сразу перестаешь говорить о Ельцине и Горбачеве или о том, что ждет нас завтра. Да что «говорить» — посетители и жевать-то стараются пошнее, смахивая слезу, к которой, поверьте, водка в стакане не имеет никакого отношения.

Увы, с тех пор, как десять лет назад Михаил Гулько уехал из России, он ни разу пока не приезжал туда. Хорошо хоть, что кассеты с его голосом, прикупленные у «пиратов» из привокзальных киосков, царапают тысячи сердец так же сильно, как паршивенькая отечественная пленка царапает головки магнитофона. Как поет он «Сине небо России!» Не «с душой» поет, а душой, не под силу это пошляку, хохмачу, коммерсанту. И я рада, что не заметила в Мише ни капелечки этого.

Интервьюироваться не охотник и вообще говорить не люблю, поскольку работа моя — петь. Знаете, как это водится: балерины не разговаривают. Ну да ладно. Слышал, что мои песни в России вызывают интерес. Мне это приятно, и я даже с этим начинаю свыкаться, — говорит Миша.

Как я дошел до жизни такой? Родился, крестился — не буду об этом. Школа, комсомол — это тоже опускаю. А начу с того, что закончил Московский политехнический институт, работал на шахтах, потом в проектно-институте как горный инженер. Но всегда был близок к музыке и, будучи уже инженером и имея недостаточный доход, стал петь. Вначале на вечерах, в колхозах, на общественных началах, потом на праздниках, парадах, демонстрациях. В бытность инженером поехал на Камчатку, надеялся, что буду там работать по профессии и заниматься музыкой. А там на уровне обкома партии решили, что я нужнее как музыкант. Обком партии решил тогда судьбы. И начались у меня сплошные музыкальные дни — самодеятельность и все такое прочее. Свыкся, уез там, на Камчатке, закончил музыкальное училище. Потом вернулся в Москву, возглавил один из ансамблей: пел, играл.

Когда вместе со своей мамой уехала на Запад дочь моя от первого брака, решил уехать и я. Хотел быть ближе к единственной дочурке, по-моему, это естественно. Последние годы в России работал в «Интуристе», пел русские песни для иностранцев, продолжаю это делать и здесь. Но оказалось, что мои песни очень нужны и в России: тема эмиграции, белого движения, тема армии, чести и гордости офицерского мундира трогает людей. Я не пишу сам песен — пою то, что услышал, что мне понравилось, авторов своего репертуара зачастую не знаю: то ли времени прошло много, то ли это «новодел», то ли «ретро» — часто не поймешь. Но если это слушается — значит, это здорово. Проверка очень простая, не нужны комиссии. Проверка народом.

Стал выпускать здесь кассеты, пластинки. Самый глав-

ный резонанс от них — приглашения на гастрольные поездки: в Австралию, почти во все города Германии, в Канаду, во Францию, объездил всю Америку. Там, где есть русскоязычная аудитория, — там я и бываю. Живу этим и живу с этого.

— Миша, как же так случилось, что вы ни разу не приезжали в Советский Союз?

— Вот так и случилось, меня, естественно, приглашали много раз. И многие из моих здешних коллег ездили в СССР. Я тоже дал согласие одному человеку, а он меня подвел. Не буду называть его имени — не в моих правилах. А случилось тогда так, что по Москве, Одессе, Харькову расклеили афиши с моим именем — но тот человек оказался то ли нерадивым, то ли трепачом, не выслал мне ни контракта, ни письма на визу. И все сорвалось.

Кстати: я часто здесь слышу привезенные из Союза кассеты, напетые прямо-таки моим голосом. Но не мною. Это, конечно, лестно, хотя и неприятно. Потому что, как говорил Маяковский, «делайте не под меня, делайте под себя». Огорчительно это.

Но вот в новой картине Стаса Намина вы увидите уже точно меня, эдакой точкой, вкрапленной в жизнь Брайтон-бич.

— Миша, почему вы поете то, что поете? Вот, например, недавно вдруг записали кассету песен военных лет. Читатель удивится: «Землянка» — в Нью-Йорке?

— Во-первых, не люблю дешевого блата, а песни белоэмиграции, лагерные — свободны от него. Правда, теперь все поют об эмиграции — Малинин, Бичевская. Хорошие артисты, хотя я не согласен с их трактовкой. Эти песни все же надо петь «из-за бугра». Мы же многое здесь на своей шкуре почувствовали, отсюда острее, искреннее, честнее поется. Там же тема эмиграции — мода, коммерция, хотя пусть будет так, как есть.

А с военными песнями было так. Я всегда с удовольствием пел перед нашими фронтовиками в годовщину Победы. И все мы плакали, пели вместе. Многие из них — калеки, инвалиды... Так и поешь с комком в горле «Прощай, любимый город» или «Землянку». Вот на одном из таких вечеров в Нью-Йорке подошли ко мне ветераны, в том числе и знаменитый генерал Григоренко, и попросили: Миша, запишите кассету военных песен, мы нуждаемся в этом. Мы вывезли сюда свои раны, а медали, ордена, песни — все осталось там.

Собрал я все, что есть о войне. Кассету эту записал на одном дыхании. Хотя перед этим слушал очень долго: ту же «Землянку» прослушал в десяти вариантах. У меня есть под Нью-Йорком в лесу небольшая дача: там не поймешь, где ты, в какой стране. Лес, березки... Вот там я слушал всю эту музыку. Фотографировался в гимнастерочке своей, оставшейся еще от сборов, я же после института был офицером запаса, а когда уезжал, ее с собой

взял. И в ушанке, и с баяном. Из пятидесяти достойных песен выбрал шестнадцать, записал их, и теперь эта кассета — одна из моих любимых. Молодежь здесь ее тоже слушает.

— У нас дома это непопулярная по нынешним временам мысль: молодежь уж никто не воспитывает...

— А мне все равно приятно: приходят американизированные люди, которые не только говорят, но и думают по-английски. И просят: спой песню о штрафных батальонах. Нет, это приятно.

— Если вы стали американцем, то в чем?

— Счета, счета вокруг... Хорошо, что никто здесь не дает советов, не лезет в душу. Здесь не помешают подняться и не помешают пропасть. Я просто окунулся в эту жизнь, живу по законам этой страны, не скрываю свои доходы, плачу налоги, плачу штрафы, согласен с тем, что «полицейский всегда прав».

Но я постоянно в русской среде, меня окружают русские люди, я пою русские песни — в Австралии ли, в Америке ли. Пою и «третьей волне», пел и тем, кто когда-то уезжал из Харбина и Шанхая, пел в Париже для оболонских и ролицыных.

— Я понимаю, почему эти песни прижились в Америке. Но останутся ли они в следующем поколении, которое воспитывается здесь, учит свой новый родной язык?

— Я отвечу на этот вопрос не прямо. Меня здесь как-то люди из России спросили: Миша, о чем, оставленном в России, вы тоскуете больше всего? Я им сказал: а вы спросили меня, тоскую ли я о чем-то вообще? Ну как же, говорят, ваши песни такие ностальгические.

Что я могу сказать? Они просто спеты от первого лица, это вы их воспринимаете как нечто лично мое. Представьте себе: берут человека, перевозят его на самолете совсем в другую жизнь. И то, что вокруг сплошной русский язык, и хорошо, и плохо. Некоторые так никогда и не выучат английский.

Да, что-то вымирает с этим поколением. Грустно, потому что надо ценить качества русского народа, восхищаться ими. Добротой, искренностью, радушием, широкой душой, всепрощением... Мы здесь далеко не безразличны к судьбам России и ее людей.

Я верю в силу русской песни. Как-то пригласил меня выступить перед своими гостями Арманд Хаммер, решил сделать им сюрприз. Завал миллиардеров (миллионеров туда даже не пускали). Собрались они — бриллианты, сапфиры, телохранители — все на месте. Я пел им «Очи черные», «Подмосковные вечера», «Катюшу», и они пели вместе со мной, причем самозабвенно! Сильна русская песня, и даже если человек не понимает слов, она трогает его до слез. Вот мой ответ. Но только песню надо исполнять честно, по-настоящему, верить в нее самому. Я так решил для себя — так и пою.

Е. ОВЧАРЕНКО.

(Наш соб. корр.)

Нью-Йорк.